

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-4-724-733

УДК 821.222.1

Научная статья / Research article

Источники поэмы Фирдоуси «Шах-наме»

М.Н. Бондарь

Российский государственный гуманитарный университет
Российская Федерация, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6
mar2102@yahoo.com

Аннотация. В статье рассматривается одна из центральных проблем исследования поэмы Фирдоуси «Шах-наме» (X в.) – источники, на которые опирался поэт при создании своего авторского эпоса. В современной иранистике сосуществуют разные точки зрения и продолжается дискуссия между сторонниками гипотезы о переработке Фирдоуси прозаических источников в стихи и теми, кто видит в поэте скорее гениального компилятора и новатора, переложившего в стихах на новоперсидском языке (дари) эпические сказания о царях и героях, то есть фольклорную поэзию, созданную на среднеперсидском языке. Обнаружение и накопление филологических аргументов, указывающих на то, что в поэме под оболочкой новоперсидского стиха «скрыта» среднеперсидская эпическая поэзия, принадлежит к актуальным проблемам иранистического литературоведения, поскольку сама эта поэзия не была записана и ее подлинные тексты до нас не дошли. Для проверки гипотезы о возможной опоре эпоса Фирдоуси на устную поэтическую традицию было выбрано и проанализировано некоторое количество строк поэмы (бейтов), содержащих имя главного отрицательного персонажа «Шах-наме» Ахримана, с применением устной теории Пэрри – Лорда, в результате которого была выявлена формульная рифма. Стабильность рифмы и формульных выражений, в которых встречается слово «Ахриман» позволяет сделать выводы, что, по всей видимости, существовала устная традиция описания Злого Духа, ведущая свое начало со времен Древнего Ирана и создания Авесты, сохранившаяся до времен Фирдоуси. Данные такого анализа подкрепляют гипотезу об опоре эпоса Фирдоуси на устную поэтическую традицию.

Ключевые слова: Фирдоуси, Шах-наме, источники, устная поэтическая традиция, эпос, формульная рифма

История статьи: поступила в редакцию – 1 сентября 2020 г.; принята к публикации – 12 сентября 2020 г.

Для цитирования: Бондарь М.Н. Источники поэмы Фирдоуси «Шах-наме» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 4. С. 724–733. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-724-733>

Sources of Ferdowsi's poem "Shahnāma"

Maria N. Bondar

Russian State University for Humanities
Russian Federation, 125993, Moscow, Miusskaya square, h. 6
(e-mail: mar2102@yahoo.com)

Abstract. The article explores one of the central problems of Ferdowsi "Shahnāma" (10th century) studies, e.g. its' sources. In modern Iranian studies coexist different points of view and continues a discussion between the disciples of the theory of Ferdowsi's use of prose sources and those who consider the poet rather a brilliant compiler and innovator, who transformed epic tales about kings and heroes (folklore oral poetry in the middle Persian language) into the new Persian language (dari). The discovery and accumulation of philological arguments indicating that the middle Persian epic poetry is "hidden" in the poem under the cover of the new Persian verse belongs to the current problems of "Shahnāma studies", since this poetry was not recorded and original texts have not survived till nowadays. The arguments of supporters of both points of are briefly presented. To test the theory about the possible reliance of the Ferdowsi epic on the oral poetic tradition, a certain number of lines of the poem containing the name "Ahriman" were selected and analyzed using the Parry – Lord oral theory, and as a result the formulaic rhyme was discovered. The stability of rhymes and formulaic expressions in which the word "Ahriman" occurs in the poem allows to conclude that, apparently, there was an oral tradition of describing the Evil Spirit, dating back to the times of Ancient Iran and the creation of the Avesta, which survived until the time of Ferdowsi. This analysis supports the idea that Ferdowsi's epic is based on the oral poetic tradition.

Keywords: Ferdowsi, Shahnāma, sources, oral poetic tradition, epic, formulaic rhyme

Article history: received – 1 September 2020; revised – 6 September 2020; accepted – 12 September 2020.

For citation: Bondar, M.N. (2020). Sources of Ferdowsi's poem "Shahnāma". *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(4), 724–733. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-724-733>

Введение

Монументальная поэма «Шах-наме» («Книга царей») Фирдоуси, созданная в Иране на рубеже X–XI веков, принадлежит к памятникам мировой литературы, сопоставимым с эпосом Гомера или «Махабхаратой», поэтому ее академическое изучение, ведущееся уже на протяжении трех столетий, составляет особую область иранистических исследований.

Несмотря на изученность поэмы и ее содержания, она все еще представляет собой обширное поле для научных исследований, в том числе в области, которая касается выявления возможных устных источников поэмы и ее связи с иранской сказительской традицией доисламского времени.

В современной иранистике сосуществуют разные точки зрения и продолжается дискуссия между сторонниками гипотезы о переработке Фирдоуси прозаических источников в стихи и теми, кто видит в поэте скорее гениального компилятора и новатора, переложившего в стихах на новоперсидском языке (*дари*) эпические сказания о царях и героях, то есть фольклорную поэ-

зию, созданную на среднеперсидском языке и получившую распространение в Иране по крайней мере в VI в., в позднесасанидский период.

В течение длительного времени в иранистике преобладала точка зрения, что поэма «Шах-наме» основывается на письменных источниках, в частности – на прозаическом «большом Шах-наме» (*Shahnāma-i buzurg*), составленном по приказу Абу Мансура ибн ‘Абд ар-Раззака на новоперсидском языке на основе сказаний и хроник, сведенных при Сасанидах в одну книгу «Хвадай-намак». Сам свод, равно как и прозаическое «Шах-наме», до нас не дошел и считается утерянным.

Обсуждение

Одним из главных аргументов того, что в основе поэмы лежат письменные прозаические источники, является текст так называемого старого предисловия, изданный и исследованный В.Ф. Минорским в знаменитой статье *The Older Preface to the “Shāh-nāma” [of Firdausī] [1. С. 159–179]*. В нем говорится, что в основу поэмы легло соответствующее прозаическое сочинение, а также излагается его краткое содержание, в основе своей совпадающее с содержанием «Шах-наме». Доводом о существовании прозаического «Шах-наме» помимо данного предисловия является упоминание о нем в «Памятниках минувших поколений» (*al-Āthār al-bāqīya*) – сочинении ал-Бируни, написанном в 1000 г., а также в произведениях еще нескольких арабских авторов [2. С. 141–147].

Однако, если изучить текст «старого предисловия» тщательнее, становится очевидным, что между его содержанием и текстом поэмы имеются серьезные расхождения. В предисловии упоминаются династии Кейанидов, Аршакидов и Сасанидов, но нет ни слова об Ахеменидах, о которых у Фирдоуси также очень мало информации. Также автор предисловия попытался совместить кораническую и легендарную иранскую хронологию, в «старом предисловии» есть отсылки к Торе, Библии и Корану, которые полностью отсутствуют у Фирдоуси, который опирается только на персидские мифы и персидское летоисчисление. Далее, в предисловии упоминается, что царская власть четырежды исчезала из Ирана, о чем в поэме нет ни слова, а упоминание об отсутствии царской власти в Иране после завоевания его Александром в «Шах-наме» связывается с периодом мира и процветания в отличие от предисловия. Также в предисловии есть географическое описание мира, которое в «Шах-наме» заменено на легендарное представление Ирана в центре мира и раздел мира между тремя сыновьями Фаридуна.

Необходимо упомянуть, что поэма не была единственным сочинением на эту тему. В.Ф. Минорский в упомянутой статье перечисляет, помимо «Шах-наме», пять сочинений на арабском и четыре сочинения в стихах на персидском с аналогичным названием – «Шах-наме» таких авторов, как Мас‘уди Марвази, Абу ‘Али Мухаммада ал-Балхи, Абу ал-Му’аййада ал-Балхи, Дакики [2. С. 132–141], что позволяет достаточно обоснованно предположить, что это «старое предисловие» может и не относиться именно к поэме Фирдоуси.

Проблеме источников поэмы посвящены многочисленные работы, среди которых краеугольной по сей день считается «Иранский национальный эпос» Теодора Нёльдеке [3]. По мнению исследователя, Фирдоуси при написании своего произведения опирался на письменные источники. Эта точка зрения доминирует в иранистике по сей день, ее придерживаются Махмуд Омидсалар [4; 5], Джулия Рубанович [6. С. 217–226], Шапур Шахбази [7].

Это мнение изначально основывалось на рассказе Фирдоуси в главе «О происхождении “Шах-наме”» и на прозаическом предисловии к поэме, упомянутом выше. Во вступлении к поэме поэт пишет, что существовала некая старинная книга, свод преданий об истории Ирана с древних времен, хранителями частей которой были жрецы-мобады.

یکی نامه بود از گه باستان فراوان بدو اندرون داستان (1)
پراکنده در دست هر موبدی ازو بهرهای نزد هر بخردی
Существовала книга с древней поры,
В которой было множество преданий.
Она была распределена/рассредоточена среди жрецов (мобадов),
И каждый мудрец обладал лишь ее частью [8] (1).

Некий правитель благородного происхождения решил составить свод преданий, для чего созвал к своему двору мобадов и записал все с их слов.

ز هر کشوری موبدی سالخورد بیاورد کاین نامه را یاد کرد (2)
Из каждой части страны престарелого мобада
Он призвал, такого, который помнил эту книгу.

چو بشنید ازیشان سپید سخن یکی نامور نامه افکند بن (3)
Когда правитель выслушал их речи,
Он начал писать славную книгу [8].

Известный молодой поэт Дакики, узнав о создании этой книги, загорелся идеей переложить сказания в стихи, но погиб, не успев осуществить свой замысел. После чего Фирдоуси тоже захотел осуществить подобное, долго сомневался в своей способности это сделать, но благодаря помощи и поддержке своего близкого, но не названного по имени друга, который принес ему эту книгу, решился взяться за написание поэмы. Также поэт подчеркивает, что книга была на пехлеви, то есть на среднеперсидском языке, друг говорит ему:

نیشته من این نامه پهلوی به پیش تو آرم مگر نغنی (4)
Я эту написанную пехлевийскую книгу
Вручаю тебе, принимайся за дело! [9]

На протяжении всего повествования в поэме Фирдоуси неоднократно ссылается на устные рассказы хранителей старинных преданий. С зачина, где поэт указывает на некоего сказителя, начинаются многие сказы (дастаны) «Шах-наме». Вот, к примеру, начало дастана о первом иранском царе Кайюмарсе:

سخن گوی دهقان چه گوید نخست (5)
О чем сначала говорит сказитель-дехан?

مگر کز پدر یاد دارد پسر بگوید ترا یک به یک در به در (6)
Разве что сын помнит [услышанное] от отца,
Расскажет тебе одно за другим, часть за частью [10].

Данный рассказ о происхождении поэмы можно трактовать неоднозначно. Во-первых, сначала Фирдоуси говорит о книге на языке пехлеви, которую принес ему друг, но при этом нет никаких сведений, что поэт владел пехлевийским языком, и в целом это представляется маловероятным, так как к концу X и началу XI вв., когда жил и писал свое выдающееся произведение Фирдоуси, основным языком общения в халифате был арабский, а на территории Ирана начала появляться литература на классическом персидском языке. Образованных людей, умевших читать пехлевийское и авестийское письмо, оставалось уже немного. Во-вторых, рассказ поэта о происхождении и составлении этой книги тоже говорит о ее изначальных устных источниках и напоминает рассказ о сведении и записи Авесты, священной книги зороастрийцев. В-третьих, первый же сказ начинается с отсылки к рассказу сказителя-дехкана, а не к книге, что, если понимать это буквально, свидетельствует в пользу устных, а не письменных источников. В-четвертых, отсылка к авторитетным источникам была распространенным приемом средневековой поэзии, о чем пишут в своих работах исследователи Ольга Давидсон [11. С. 45–5] и Дик Дэвис [12. С. 48–57].

Дик Дэвис высказывает мнение, что источниками Фирдоуси, вероятно, служили устные материалы в поэтической форме, в основном народные сказания востока Ирана. Во-первых, это подтверждается тем, что в поэме используется ограниченный и консервативный тезаурус (одинаковые глаголы, эпитеты и рифмы, относительно немного арабизмов). Во-вторых, в пользу этого говорит композиционный строй поэмы: устройство поэмы в целом простое и запоминающееся, характерны отступления от темы, предсказания, повторяемость ситуаций и типов персонажей. В-третьих, в «Шах-наме» отсутствуют упоминания об Ахеменидах, что присуще устной традиции восточных территорий, где бытовали легенды о героях Систана, составившие основу героической части «Шах-наме». В-четвертых, Фирдоуси описывает своих персонажей и их поведение с помощью постоянных эпитетов и групп эпитетов, формул, устойчивых выражений, при этом целые строчки (бейты) или их части (полубейты) встречаются в разных частях поэмы, а описания паратактически структурированы, построены с помощью комбинаций этих выражений [12. С. 48–57].

Как считает Дэвис, поэма Фирдоуси демонстрирует черты перехода от устного эпоса к письменному и сохраняет черты устного творчества. Сходное мнение высказывают в своей «Истории таджикско-персидской литературы» Е.Э. Бертельс [13. С. 169–239] и Ольга Давидсон в своих многочисленных работах [11; 14–17]. Исследовательница применила для анализа поэмы «Шах-наме» «устную теорию» Мильмена Пэрри и Альберта Лорда [18].

Обращаясь к источникам поэмы «Шах-наме», Давидсон утверждает, что приведенный выше рассказ Фирдоуси о создании поэмы указывает скорее на устные, чем на письменные источники. Как уже отмечалось, поэт говорит о «таинственном даре», Книге Царей на пехлеви, полученной в подарок от «таинственного» (неизвестного) друга, что характерно для устной поэзии. А то, как поэт описывает процесс создания Книги Царей, традиционно используется для объяснения генезиса национальной эпической традиции в

культурах, где одновременно существуют устная и письменная традиции [11. С. 59–69].

Вторым аргументом сторонников существования письменных источников поэмы является сочинение ас-Са‘алиби (al-Tha‘ālibī) «Отборные известия о персидских царях» (*Ghurār akhbār mulūk al-Furs*), по некоторым сюжетам близкое к «Шах-наме», что, по мнению исследователей, означает наличие у обеих поэм общего прозаического источника. Но в сочинении Са‘алиби отсутствуют многие сюжетные линии, которые есть в «Шах-наме», что тоже может свидетельствовать об общем источнике, в сюжетную канву которого Фирдоуси вставлял свои истории. Хотя поэма Фирдоуси была завершена на 30–40 лет раньше создания «Отборных известий», вероятность знакомства с ней Са‘алиби невысока, так как вряд ли поэма «Шах-наме» могла так быстро стать известной повсеместно, а столь объемный и дорогой труд было нелегко приобрести [2. С. 148–167].

Другим аргументом сторонников теории использования поэтом письменных, а не устных источников является отсутствие прямых свидетельств о существовании на территории Ирана устной эпической стихотворной традиции. Несколько сохранившихся среднеперсидских сочинений, таких как «Книга деяний Ардашира» (*Kārnāmag ī Ardashīr*) и согдийское предание о Рустаме, записаны прозой, а «Предание о Зарепе» (*Ayādgār ī Zarērān*) – ритмизированной прозой. Также нет свидетельств, что во времена Фирдоуси существовал институт сказителей, так как в персидском языке того периода не засвидетельствовано никаких специальных терминов, обозначающих сказителя устных преданий [2. С. 9–13, 174–199].

Но Ольга Давидсон анализирует употребление слова *saṛāyanda* (певец, исполнитель, сказитель) в поэме «Шах-наме» [11. С. 29–58]. Давидсон перевела это слово как «певец» (*singer*), употребляя его в значении «исполнитель», как это слово употребил Лорд в названии своей книги “*The Singer of Tales*” (1960). Исследовательница разбирает употребление слова *saṛāyanda* в поэме и делает вывод, что различные контексты, в которых употребляется этот термин, соответствуют обозначению исполнителя устной поэзии. Все разобранные исследовательницей примеры показывают, что термин *saṛāyanda* обозначает широкое понятие, включающее в себя как придворного поэта и певца, так и того, кто исполняет роль рассказчика: дехкана, мобада, посла, врача, который исцеляет словом. Таким образом, поэзия Фирдоуси сравнивается с выступлением *saṛāyanda*, и конвергенция у Фирдоуси этих понятий сопоставима с устной поэзией, а не с письменной.

Исследование «Поэт и герой в персидской Книге Царей», проведенное Давидсон, также показало, что поэтический нарратив «Шах-наме» характеризуют регулярное использование формул и экономия в организации фразеологии, которые типичны для устной поэзии [14]. Вариативность строчек в разных рукописях соответствует вариативности строчек в разных частях одного и того же варианта текста. По мнению исследовательницы, это доказывает, что разночтения в рукописях поэмы – результат системы формульных вариаций, типичных для устной поэзии [11. С. 12–14].

Исходя из гипотезы, что Фирдоуси при создании мифологической части поэмы опирался на устные источники, и применяя устную теорию Пэрри –

Лорда, мы рассмотрели упоминания в поэме Ахримана (2), воплощения зла и главного врага всех иранцев, и рифмы с его именем, чтобы найти возможную связь с устной поэтической традицией.

Уже на первых страницах поэмы появляются описания Ахримана и рифмы с его именем. Некоторые эпитеты и словосочетания, описывающие Ахримана, становятся в дальнейшем на протяжении поэмы маркерами «носителей зла», врагов, мысли, слова и дела которых – во власти Злого духа. Такие повторяющиеся или частично повторяющиеся единицы поэтического нарратива можно рассматривать как «эпические формулы» или «формульные выражения» [19. С. 156–181], которые Фирдоуси использует, либо непосредственно опираясь на фольклорные героические сказания, либо имитируя авторскими средствами их поэтику.

Наряду с именем собственным *آهرمن āharman (āhirman)*, он упоминается и под мусульманским именем *ابليس iblīs* (в исламе – имя ангела, приближенного к Богу, но из-за своей гордыни низвергнутого с небес и ставшего врагом людей), а также в ряде контекстов – под именами *dīv* «див» и *dušman* «враг».

В «Шах-наме» преобладает графическая форма *آهرمن* с произношением *āharman (āhirman)*, а не *āhriman*, это следует из скандирования бейтов по метру *мутакариб*, которым написана поэма (3).

Приведем три примера из разных частей поэмы в разных контекстах, где фигурирует формульное сопоставление *враг (dušman-ā) – Ахриман (āhirman-ā)*, несущее рифму стиха.

Ахриман вводится как персонаж в «Дастане о Кайумарсе». У первого царя человечества Кайумарса, при котором страна процветала и не знала бед, был любимый сын и наследник Сийамак, которого замыслил извести Ахриман, чтобы затем усадить на трон своего сына-дэва. Когда об этом стало известно Сийамаку от посланца Ахура Мазды Соруша, он в гневе ринулся в бой с нечистым, в котором тот его жестоко убил.

برآمد برین کار یک روزگار فروزنده شد دولت شهریار (7)

به گیتی نبودش کسی دشمننا مگر بدکنش ریمن آهرمن

За этими делами прошли года,

Процветающей стала держава владыки.

В мире не было у него иного *врага (dušman-ā)*,

Кроме злокозненного поганого Ахримана (*bad-kuniš rīman āhirman-ā*) [20].

Рассмотрим другой пример из дастана «Мечь за Сиявуша». Сиявуш, сын иранского царя Кай-Кавуса, будучи оклеветан, вынужден был бежать из Ирана и нашел приют в Туране, где царь Афрасйаб выделил ему земли и дал в жены свою дочь Фарангис. Спустя некоторое время неумолимый рок настиг Сиявуша, он вновь был оклеветан завистниками и казнен по приказу Афрасйаба. Царь также хотел расправиться со своей беременной от иранского царевича дочерью, но ей удалось избежать гибели. Спустя некоторое время она родила сына, которого назвали Кай-Хусрав. Прошли годы, раскаявшийся в своем поступке Кай-Кавус отправил богатыря Гива в Туран найти внука и привезти в Иран. Посоветовавшись с Фарангис, все трое решают тайно покинуть Туран, чтобы об этом не успел прознать Афрасйаб, говоря о Туране так:

جهان پر ز بدخواه و پر دشمنست همه مرز ما جای آهرمنست (8)
Мир полон недругов и врагов,
Вся наша страна – это владение Ахримана [21].

В приведенном примере вновь фигурирует та же формульная пара *враг* (*dušman-ast*) – *Ахриман* (*āhirman-ast*).

Следующий пример относится уже к исторической части поэмы, посвященной эпохе Сасанидов. Царь Хусрав Ануширван (Кесра Нуширван в поэме) узнает о поражении хайталов (4) в битве с войсками хакана Чина (5), после которого хайталы, ранее враждебные Ирану, просят его покровительства. Он собирает совет из своих везиров и витязей. На совете обсуждаются дальнейшие действия и искренность намерений хайталов, которым, как говорят царю советники, доверять не следует.

همه مرز هیتال آهرمنند دورویند واین مرز را دشمنند (9)
Вся страна (жители страны) хайталов – это ахриманы,
Они двуличны, и они нам враги [22].

В приведенном примере вновь фигурирует та же формула: *Ахриман* (*āhirman*) – *враг* (*dušman*), здесь – в сочетании со связкой множественного числа *-and*.

Заключение

Примеров употребления повторяющихся рифм, а также иных типов формульных выражений, можно привести множество. Рассмотренные примеры демонстрируют технику использования «формульной рифмы» в поэме:

– в начале поэмы, где Ахриман предстает как действующий персонаж, его имя функционально и необходимо для повествования, оно рифмуется со словом *dušman* (*враг*);

– в дальнейшем *āhirman* употребляется с той же рифмой *dušman*, но это слово используется уже как устойчивый образ сравнения или устойчивый эпитет, не связанный непосредственно с нарративным контекстом.

Регулярное соотнесение этих слов в рифмах поэмы можно сопоставить с тем фактом, что слово *dušman* «враг» служило эвфемистическим обозначением Ахримана в среднеперсидских текстах (*duš* – «зло», входит в триаду, определяющую Ахримана и грешника, находящегося в его власти, – *duš-tenišn* «зломыслящий», *duš-guwišn* «злословящий», *duš-kunišn* «злоделающий»), причем слово *dušman* имело, по крайней мере в позднем среднеперсидском (VI в.) ту же фонетическую форму, что и в «Шах-наме», а слово *āhirman* – близкую по звучанию и дающую ту же рифму форму *Ahriman*.

Стабильность рифмы и формульных выражений, в которых встречается слово «Ахриман», позволяет предположить, что, по всей видимости, существовала устная традиция описания Злого Духа, ведущая свое начало со времен Древнего Ирана и создания Авесты, сохранившаяся до времен Фирдоуси. Представляется маловероятным, что поэт владел авестийским языком, скорее до него могли дойти мифы и предания, изложенные в устной форме в среднеперсидских сказаниях, в которых содержались формулы и формульные выражения. Как уже отмечалось, легендарная часть «Шах-наме» базируется на преданиях о героях и богатырях Систана, восточной части Ирана,

которые не могли попасть в письменные царские хроники, основным содержанием которых, видимо, было перечисление царей, принадлежавших к династии Сасанидов, с годами их правления, датой восхождения на престол и датой смерти, а также важными для государства деяниями. Кроме того, династия Сасанидов происходила из юго-западной части Ирана, где не засвидетельствованы предания, подобные систанским. Язык Авесты, согласно исследованиям лингвистов, относится к восточноиранским, а часть ее мифов и героев восходит к праиндоевропейской общности. Вышеизложенное дает дополнительные основания полагать, что Фирдоуси при создании мифологической и легендарной частей «Шах-наме» с высокой степенью вероятности опирался на устную поэтическую традицию.

Примечания

- (1) Подстрочный перевод везде в статье выполнен М.Н. Бондарь.
- (2) Демон, антагонист Бога в зороастризме, новоперсидские формы: آهریمن، آهرمن، اهریمن، اهرمن; авест. Angra/Aṅra Mainyu, средне-перс. Ahriman, в др.-перс. не засвидетельствовано.
- (3) Такой фонетический вариант отмечен в соответствующей словарной статье в персидском словаре Диххуда с примерами из «Шах-наме».
- (4) Эфталиты, ираноязычные племена, занимавшие территории, в состав которых входили Согдиана, Афганистан, северная Индия.
- (5) Правитель (каган) Восточного или Китайского Туркестана, занимавшего территорию примерно современной Монголии и Северного Китая.

Список литературы / References

- [1] Minorsky, V. (1956). The Older Preface to the Shāh-namā. *Studi Orientalistici in Onore di Giorgio Levi della Vida 1–2*, 52(2), 159–179.
- [2] Hämeen-Antilla, J. (2018). Khwādaynāmag: The Middle Persian Book of kings. *Studies in Persian Cultural History* (vol. 14). Boston, Leiden, Brill.
- [3] Nöldeke, T. (1930). *The Iranian National Epic*. Philadelphia, Porcupine Press.
- [4] Omidsalar, M. (2011). Poetics and Politics of Iran's National Epic, the Shāhnāme. *Literatures and Cultures of the Islamic World*. New York, Palgrave Macmillan.
- [5] Omidsalar, M. (1996). Unburdening Ferdowsi. *Journal of the American Oriental Society*, 116(2), 235–242.
- [6] Rubanovich, J. (2013). The Shāh-namā and Medieval Orality: Critical Remarks on the 'Oral Poetics' Approach and New Perspectives. *Middle Eastern Literature*, 16(2), 217–226.
- [7] Shapur, A. (1991). *Ferdowsi: A Critical Biography*. Costa Mesa, CA, Mazda Publishers.
- [8] Ferdowsi. (n.d.). *Shahnāma. Guftar andar farāham avardan-i kitāb [About origin of the book]*. Retrieved July 12, 2020, <https://ganjoor.net/ferdousi/shahname/aghaz/sh8/> *Фирдоуси*. Шах-наме. О происхождении книги. URL: <https://ganjoor.net/ferdousi/shahname/aghaz/sh8/> (дата обращения: 12.07.2020).
- [9] Ferdowsi. (n.d.). *Shahnāma. Bunyād nahādan-i kitāb [About creation of the book]*. Retrieved July 12, 2020, <https://ganjoor.net/ferdousi/shahname/aghaz/sh10/> *Фирдоуси*. Шах-наме. О создании поэмы. URL: <https://ganjoor.net/ferdousi/shahname/aghaz/sh10/> (дата обращения: 12.07.2020).
- [10] Ferdowsi. (n.d.). *Shahnāma*. Retrieved July 12, 2020, <https://ganjoor.net/ferdousi/shahname/qmars/sh1/> *Фирдоуси*. Шах-наме. URL: <https://ganjoor.net/ferdousi/shahname/qmars/sh1/> (дата обращения: 12.07.2020).

- [11] Davidson, O.M. (2000). *Comparative Literature and Classical Poetics: Seven Essays*. Mazda Publishers.
- [12] Davis, D. (1995, October – December). The problem of Ferdowsi sources. *Journal of the American Oriental Society*, 115(4), 48–57.
- [13] Bertels, E.E. (1960). *Istoriya persidsko-tadzhikskoi literatury [History of Persian-Tajik literature]* (vol. 1). Moscow, Izdatelstvo vostochnoy literatury Publ. (In Russ.)
Бертельс Е.Э. История персидско-таджикской литературы. М.: Издательство восточной литературы, 1960. Т. 1. 555 с.
- [14] Davidson, O.M. (1994). *Poet and Hero in the Persian Book of Kings*. Cornell University Press.
- [15] Davidson, O.M. (1985). The Crown Bestower in the Iranian Book of Kings. Paper in Honour of prof. Mary Boyce. *Acta Iranica* 24–25, 1, 61–148.
- [16] Davidson, O.M. (1988). A Formulaic Analysis of Samples Taken from the Shahnama of Firdausi. *Oral Tradition*, 3(1–2), 88–105.
- [17] Davidson, O.M. (1998). The Text of Ferdowsi's Shahnama and the Burden of the Past. *Journal of the American Oriental Society*, 118(1), 63–68.
- [18] Lord, A.B. (1994). *Skazitel' [The singer of tales]*. Moscow, Vostochnaya literatura RAN Publ. (In Russ.)
Лорд А.Б. Сказитель. М.: Восточная литература РАН, 1994. 369 с.
- [19] Grintser, P.A. (1975). Epicheskie formuly v "Makhbkharate" i "Ramayane" [Epic formula in "Mahabharata" and "Ramayana"]. *Tipologicheskie issledovaniya po fol'kloru [Typological research on folklore]* (pp. 156–181). Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
Гринцер П.А. Эпические формулы в "Махабхарате" и "Рамаяне" // Типологические исследования по фольклору. М.: Наука, 1975. С. 156–181.
- [20] Ferdowsi. (n.d.). *Shahnāma. Kayumars*. Retrieved July 12, 2020, <https://ganjoor.net/ferdousi/shahname/qmars/sh1/>
- [21] Ferdowsi. (n.d.). *Shahnāma. Siavosh*. Retrieved July 12, 2020, <https://ganjoor.net/ferdousi/shahname/siavosh/sh18/>
- [22] Ferdowsi. (n.d.). *Shahnāma. Anushirvan*. Retrieved July 12, 2020, <https://ganjoor.net/ferdousi/shahname/anooshirvan/sh5/>

Сведения об авторе:

Бондарь Мария Николаевна, аспирантур кафедры истории и филологии Южной и Центральной Азии Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета.

Bio note:

Maria N. Bondar, postgraduate of the Department of History and Philology of Southern and Central Asia of the Institute for Oriental and Classical Studies of the Russian State University for Humanities.